

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Фалева Егора Валерьевича

«Эволюция метода в философии Мартина Хайдеггера»,

представленную на соискание ученой степени доктора философских наук

по специальности 09.00.03 – история философии

Диссертационное исследование Е.В. Фалева посвящено осмыслению эволюции метода в философии Хайдеггера, в нем также основные этапы развития хайдеггеровского философствования представлены как этапы становления его метода. Актуальность темы исследования определена тем, что соотношение предметного поля и метода философии не просто позволяет проследить эволюцию метода в философии Хайдеггера, но и позволяет обратиться к сути и специфике философии, понять ее не как систему высказываний – научную или метафизическую, но как форму критики опыта, предполагающую изменение установки, трансформацию самого мыслящего. Хайдеггер еще в ранних лекционных курсах подчеркивал, что в строгом понимании все философские вопросы коренятся в вопросе о методе, понимаемом в аристотелевском смысле – разыскания сути, а не техники. Замысел диссертационного исследования впечатляет своей глубиной и масштабностью. По сути, автор диссертации провел, разумеется, опираясь на наиболее весомые комментаторские работы зарубежных авторов, последовательную реконструкцию хайдеггеровских представлений о специфике метода, проследил трансформации понимания метода в различные периоды философствования Хайдеггера. При этом Е.В. Фалев продемонстрировал блестящее знание как относящихся к теме сочинений Хайдеггера, так и вспомогательной литературы на немецком и английском языках.

Диссертация обладает строгой и ясной логикой, следующей как хронологии развития хайдеггеровской мысли (соответственно линиям изменений и преемственности в ней), так и компаративистской методологии, все время предлагающей для интерпретации предмета исследования дополнительные ракурсы, позволяющей выявлять в нем новые аспекты. Автор выявляет истоки ряда понятий и ходов мысли Хайдеггера в философии Канта, Ницше, Гуссерля, проводит параллели с христианской мистикой и восточной мыслью. Также, несмотря на то, что многие исследователи (напр. В.В.Бибихин) предостерегают от платонизирующих интерпретаций Хайдеггера, автор считает возможным провести ряд параллелей между платоническими и неоплатоническими стратегиями мышления и хайдеггеровским философствованием. Это приводит автора к весьма позитивному на фоне хайдеггеровской деструкции метафизики, хотя и небесспорному выводу о том, «что философию Хайдеггера следует рассматривать как обновляющее продолжение лучших традиций мировой философии, как западной, так и восточной» (с.307).

В первой части исследован метод хайдеггеровского философствования до «поворота», обозначенный автором как «экзистенциальная дедукция категорий». Е.В. Фалев справедливо показывает, что в ранних работах Хайдеггер стремится поставить под вопрос теоретическую установку, определяющую как содержание знания, так и критерии его научности, чтобы философия как изначальная наука могла обрести глубоко фундированный горизонт. Таким

горизонтом оказывается жизнь в ее конкретности и непосредственном осуществлении. Жизнь невозможно понять «научно», в теоретической установке она объективируется и «нейтрализуется». Хайдеггер предлагает иной подход: позволить править переживаемой жизни в ее изначальности и не применять к жизни известные познавательные установки, рискуя упустить ее из виду. Преодолеть примат теоретического Хайдеггер пытается через обращение к «до-теоретической сфере». Теоретическое, присущее частным наукам, неизначально, оно является «обезжизнивающим», «проистекшим» из начала. Новый методический подход, напротив, призван выявить исходный характер жизни. Автор демонстрирует, что «для схватывания этой «девственной», не тронутой рефлексией фактичности» (с.31) Хайдеггер разрабатывает метод «формального указания». Этот метод, нетематически указывая на определенное «исходное имение», позволяет философии «держаться вблизи» исходного нерелексивного «источника созерцания». Несомненной удачей автора можно считать выявление того, как метод формального указания перерастает в метод экзистенциального фундирования. Обосновав возможность применения понятия дедукции к методическим ходам Хайдеггера периода «Бытия и времени», обозначив цель дедукции в том, том, чтобы показать, каким именно образом *Dasein* сообщает смысл и тем самым оформленность миру нашего опыта, Е.В.Фалев представляет детальный анализ экзистенциальной дедукции пространства и времени.

Во втором разделе диссертации исследован герменевтический проект Хайдеггера, прослежены трансформации герменевтического метода: от герменевтики фактичности ранних работ до проекта создания «беспонятийного» языка. Этот раздел можно назвать наиболее глубоко проработанной частью диссертационного исследования, здесь подробно рассмотрены истоки хайдеггеровской герменевтики, герменевтика периода «Бытия и времени», герменевтика языка после «поворота» и герменевтическая концепция истории. Некоторые вопросы вызывает тезис, предваряющий второй раздел: всю философию Хайдеггера, с 1919 года и до его смерти, можно представить как поэтапное развитие и применение герменевтического метода (с.107). Кроме того, автор неоднократно заявляет, что Хайдеггер в ранние годы скорее «вынужден» называть свою позицию феноменологической, несмотря на все расхождения с Гуссерлем. Однако сам Хайдеггер подчеркивал в письме к У.Ричардсону, что слово «феноменология» не исчерпывается «философской позицией Гуссерля», но, напротив, означает «допущение самопоказывания как собственной задачу бытия»; именно в этом смысле его философский путь не был путем «из феноменологии», но «через феноменологию» (*Heidegger M. Ein Vorwort. Brief an Pater William J. Richardson // Heidegger M. Identität und Differenz. Gesamtausgabe Bd. 11. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann 2006. S. 148-149*). Разумеется, смысл слова феноменология здесь действительно существенно меняется, модифицируется и предметное поле и метод феноменологии, смещаясь от *что* интенционального акта к *как* обнаружения сущего, но метод остается феноменологическим, пусть и в смысле феноменологии превосходящей самое себя. Как пишет Ж.-Л. Марион, «благодаря Хайдеггеру феноменология становится путем, который ведет за пределы феноменологии, она становится способом своего собственного методического самопревосхождения» (*Marion J.-L. Réduction et donation. P. 73*). Иными словами, для Хайдеггера феноменология *есть* так же, как *есть* *Dasein* – эк-статически, преодолевая самое себя.

Несомненной удачей диссертационного исследования можно считать 3-ю главу второго раздела, в которой рассматривается герменевтика языка после «поворота». Автор показывает,

что в этот период Хайдеггер оставляет разработку «фундаментальной онтологии» как учения о «метафизике человеческого существа», и сосредоточивается на работе по «переосмыслению языка», тем самым «герменевтика окончательно принимает вид разработки терминологии» (с.207). Главной задачей здесь становится разработка «беспонятийного» языка, а главной методологической проблемой герменевтики — *определение оптимального соотношения* формы и смысла. В конечном итоге, автор приходит к обоснованному выводу о том, что у позднего Хайдеггера герменевтика оказывается в центре всей гносеологической и онтологической проблематики (с.235). Метод вдумчивого использования языка понимаемого как горизонт человеческого пребывания в мире позволяет изменить сам смысл философствования – перейти от объективирующего, понятийного языка метафизики к беспонятийному постижению.

Важно отметить, что работа Е.В. Фалева имеет не только историко-философскую, но и собственно философскую значимость. В ней представлен ответ на специфически философские вопросы: «как возможен метод в качестве содержания философии?», «как соотносятся предмет и метод?», «как возможна философия не в качестве метафизической системы, а как осуществляемый путь продвижения мысли?».

Особую значимость работы я бы связала с двумя обстоятельствами.

Во-первых, использование метода перспективизма и при истолковании метода экзистенциальной дедукции пространства и времени, и при интерпретации языка и истории в поздних работах позволило автору выявить целостную систему уровней понимания этих базовых категорий опыта и существования, дать общую схему уровней осмысления бытия. В отношении времени и пространства показаны различные перспективы процедуры измерения – от объекта измерения до аспектов самого акта измерения, в отношении слова и истории перспективы выстраиваются от понимания слова и истории как объектов (говорения или описания), до их трактовки как События (*Ereignis*)

Во-вторых, важным достижением автора является прояснение как внутреннего единства хайдеггеровского метода на протяжении всего пути его философствования, так и его трансформаций после «поворота». Обоснование единства связано с авторским определением хайдеггеровской философии как «формы критики опыта, призванной стать средством *духовной трансформации* человека» (с.307). Е.В.Фалеву удалось показать, что это ядро хайдеггеровского метода (трансформирующая критика опыта) оставалось неизменным на всем протяжении его философствования. Изменения же связаны с постепенным освобождением от понятийного языка метафизики, которое приобретает наиболее отчетливый характер лишь в поздних работах, и со сферой применения метода, которая меняется от фактического жизненного опыта в текстах 1920-х до поэтического языка и истории в послевоенных работах. Можно сказать, что автору действительно удалось всецело раскрыть хайдеггеровское понимание метода, которое он в лекционном курсе «Парменид» обозначил как «пребывание-на-пути, а именно на том пути, который не человеком мыслится как некий “метод”, но указывается самим сущим и таким образом уже присутствует в ракурсе обнаруживающего себя сущего (*Хайдеггер М. Парменид / пер. А.П. Шурбелева. — СПб.: Владимир Даль, 2009. С. 133*).

В качестве достоинства диссертации можно отметить также хороший язык и доступный стиль изложения, лаконичные и эффектные формулировки весьма сложных тезисов.

Несмотря на высокий профессиональный уровень, на котором выполнено диссертационное исследование Е.В. Фалева, необходимо указать и на следующие недостатки:

1) Обзор исследовательской литературы достаточно фрагментарен. Автор сосредоточился на истории «непонимания» Хайдеггера в англо-американской философии. Из работ немецких исследователей упомянуты практически только труды фон Херманна «Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля» и Э.Тугендхата «Понятие истины у Гуссерля и Хайдеггера». Между тем, гораздо более значимы для разработки этой проблематики более поздние работы фон Херманна - *Hermeneutische Phänomenologie des Daseins. Eine Erläuterung von Sein und Zeit* и *Weg und Methode. Zur hermeneutischen Phänomenologie des seinsgeschichtlichen Denkens*, а также труды Э.Вольц-Готтвальда (*Wolz-Gottwald E. Transformation der Phänomenologie: zur Mystik bei Husserl und Heidegger*), где феноменология рассматривается как трансформативное философствование, предполагающее полное персональное изменение, имеющее параллели с мистическим путем, и П.-Л. Кориандо (*Coriando P.- L. Der letzte Gott als Anfang : zur abgründigen Zeit-Räumlichkeit des Übergangs in Heideggers "Beiträgen zur Philosophie (Vom Ereignis)"*), где значительное внимание уделено методу бытийно-исторического мышления позднего Хайдеггера. Вообще не упомянуты классические труды У.Ричардсона (*Richardson W.J. Heidegger. Through Phenomenology to thought*) и О.Пеггелера (*Pöggeler O. Heidegger und hermeneutische Philosophie*). В обзоре отечественной литературы значительное внимание уделено трудам Дугина, чьи тексты возможно и стали событием для неоевразийской мысли, но отнюдь не для хайдеггероведения, при этом оставлены за скобками работы В.В.Бибихина, Е.В.Борисова и монография А.В.Ямпольской «Феноменология в Германии и Франции: проблемы метода», где один из центральных разделов посвящен проблеме метода у Хайдеггера.

2) В исследовании метода формального указания в ранних работах Хайдеггера и различении кайрологического и хронологического времени автор опирается в основном на 63 том GA - работу «Онтология. Герменевтика фактичности» и на курс «Феноменологические интерпретации Аристотеля». При этом не рассматривается 60 том GA, где опубликованы лекционные курсы 1918-1921 г.г. «Философские основания средневековой мистики», «Введение в феноменологию религии», «Августин и неоплатонизм». Между тем, эти курсы позволяют проследить, как изменяется хайдеггеровская трактовка формального указания по сравнению с гуссерлевской. В курсе «Введение в феноменологию религии» Хайдеггер показывает, что использование формального указания делает философствование не теоретическим, заранее выстраиваемым способом упорядочивания предметных регионов, выяснением определенного «что», определенных предметов, но обращает мысль к самому феномену. В феномене Хайдеггер выделяет три смысловых аспекта: «во-первых, то первоначальное "что", которое узнается в опыте – содержание (Gehalt), во-вторых, то первоначальное "как", в котором это испытывается – соотнесение (Bezug), и, в-третьих, то первоначальное "как", в котором актуализируется соотнесенный смысл – осуществление (Vollzug)». Феномен составляет смысловая целостность всех трех аспектов смысла, хотя решающее значение для Хайдеггера имеет осуществление. Принципиально новым по сравнению с Гуссерлем оказывается предпосылание этого временного, исторического осуществленного смысла, который как некое «темпоральное априори» оказывается конститутивным для соотнесенности фактической жизни с миром. Феноменологический метод видоизменяется – переживание темпоральности в фактичном жизненном опыте становится основной темой новой феноменологии. Феноменология призвана теперь тематизировать

темпоральное осуществление события значения, а не отношение, обоснованное в интенциональности. В этом же курсе Хайдеггер, интерпретируя эсхатологию апостола Павла выделяет хронологическое время, которое характеризуется как нечто исчислимое, объективное, доступное распоряжению и при этом ничего не говорящее о смысле исторических событий, и время кайрологическое, принадлежащее к осуществленной историчности жизни и необъективируемое.

2) Ведущей исследовательской стратегией автора оказывается интерпретация основных периодов развития хайдеггеровского философствования как этапов становления его метода. При этом, хотя во введении и ставится задача выявить положительное содержание методических размышлений самого Хайдеггера, в основном тексте работы это остается на заднем плане. Многочисленные рассуждения Хайдеггера о феноменологическом методе в лекциях Хайдеггера, изданных под названием «Введение в феноменологическое исследование» (*Einführung in die phänomenologische Forschung*, GA 17), «Основных проблемах феноменологии», «Пролегоменах к понятию времени», «Бытии и времени» оставлены практически без внимания. Возможно, если бы автор более внимательно отнесся к собственным хайдеггеровским рефлексиям по поводу метода, он не был бы столь категоричен в утверждении вынужденного характера хайдеггеровского самоопределения своего метода в качестве феноменологического.

3) В § 5 «Хайдеггер о «соседстве» мышления и поэзии» третьей главы автор справедливо говорит о родстве поэзии и мышления, которая заключается в заботе об употреблении языка: мышление и поэзия стремятся к тому, чтобы быть словом, через которое истина бытия приходит к языку. Близость мышления и поэзии коренится во внимании и сущностном воспоминании (*An-denken*). Однако важно обратить внимание и на то, что для Хайдеггера именно потому, что поэзия и мысль наиболее чистым образом тождественны в заботливости слова, они одновременно дальше всего разделены в своем существе. Как он напишет в «Послесловии к “Что такое метафизика”»: Мыслящий дает слово бытию. Поэт именует святое»

4) В четвертой главе § 5 «Истолкование главных событий бытийной истории» автор, рассматривая понятие истины у раннего и позднего Хайдеггера и их трансформацию после критики Э. Тугендхатом, утверждает, что истина как несокрытость - одно из немногих воззрений, которые не претерпели кардинального пересмотра в точке Поворота, в сущности понимания истины у Хайдеггера ничего не изменилось (с.300-301). Представляется, что размышления Хайдеггера о просвете все же модифицируют концепцию истины, предложенную в «Бытии и времени». Слова Хайдеггера о просвете проясняют событийно-присваивающий характер истины бытия. Она не есть нечто жестко установленное, вопрос об истине предстает как своего рода «знак», указание на то, как может и должен быть обоснован вопрос о смысле бытия и его трансцендентально-феноменологическая структура. Подобная структура может и должна быть подлинно обоснована только как неподдающаяся распоряжению, т.е. как данность, устанавливаемая в «шаге назад» за пределы метафизики. Уже в «Бытии и времени» *Dasein* предстает как брошенный набросок, как ничтожение в двойном смысле - онтологического бессилия и онтической ситуационности. Это означает, что *Dasein* не порождает просвет и истину бытия, но обретает любой опыт в них и из них, к тому же сам просвет *Dasein* переживает только исторически. Онтологической основой всякого трансцендентального обоснования оказывается безосновность. То есть обоснование возможности опыта как брошенного наброска, сама истина бытия, может быть определена, если

только она уже заранее дана. Истина бытия как несокрытость становится событием-присвоением бытия, понимается как судьба недоступной распоряжению истории. Бытие как событие-присвоение или историческое свершение истины бытия, просветляющее сущее, поворачивает трансцендентально-феноменологический вопрос о смысле бытия к истории. Формальность онтологических структур Dasein обогащается и одновременно усложняется тем, что история оказывается каждый раз действительным пониманием и практической артикуляцией опыта. Хайдеггеровский поиск истины бытия становится при этом своего рода топологией, поскольку истина бытия делается доступной опыту в топосах, которые находят историческое мышление. Вопрос об онтологической основе трансцендентальной конституции опыта, который ведет дальше к вопросу о смысле бытия и делает необходимым вопрос об истине бытия, задается на основе бесосновности, не-конструируемости этого основания и осуществляется как интерпретация тех топосов, которые в качестве слова языка именуют свет и просвет в их единстве. Формальная структура, к которой привязана аналитика, не конструируется предварительно в мышлении, но фактически (как топос) схватывается и структурируется. История как способ данности истины оказывается сцеплением прошлого, настоящего и будущего, в котором великая традиция приходит к нам как будущее. Последняя истина приближается к человеку как изначальность исходного всматривания, становится его настоящим и будущим. Событийное раскрытие истины в судьбе вот-бытия не поддается субъективному установлению, тем самым мир предстает не как предмет, но скорее как опытная преданность понимания. Истина, просвет, событие бытия оказываются для Хайдеггера онтологической заданностью, которая сама не относится к сущему, но всегда узнается в истории. Свет, место, значение бытия как мира оказывается историческим способом данности этой истины или ее исторического дарования в языке.

4) В некоторых разделах работы не вполне соблюдается баланс между реконструкцией и аналитичностью. Отчасти это оправдано заявленным исследовательским методом – *История философии* -3. Тем не менее, в ряде параграфов недостает авторской интерпретации и итоговых выводов.

5) У работы есть определенные композиционные недостатки. Несмотря на соответствие заявленной теме, структурирование работы не во всем себя оправдывает, т.к. взаимосвязь и преемственность первой и второй частей работы не всегда отчетливо просматриваются. В первой части, исследуя ранние работы Хайдеггера и «Бытие и время», автор выделяет метод формального указания и метод экзистенциальной дедукции, во второй части утверждается, что, уже начиная с работ 1920-х годов, выстраивается герменевтический проект Хайдеггера. Хотя автор и указывает, что формальное указание и метод экзистенциальной дедукции можно рассматривать как частные случаи герменевтического метода, однако, основания подобного рассмотрения («в ранние годы Хайдеггер был вынужден определять свой метод как «феноменологический» с.105, хотя прекрасно понимал глубину расхождений с гуссерлевским вариантом феноменологии) не вполне убедительны

Впрочем, выявленные недостатки не влияют на общую оценку диссертации Е.В. Фалева. Несомненно, перед нами зрелое исследование высокопрофессионального сложившегося специалиста. В нем поставлена и впервые в отечественной историко-философской литературе разрешена актуальная задача исследования хайдеггеровского метода в его эволюции. Результаты проведенного исследования открывают широкие возможности для практического применения в лекционных курсах, посвященных современной западной философии,

философии истории, герменевтике. Автореферат соответствует содержанию диссертации, результаты диссертационного исследования отражены в монографиях «Герменевтика Хайдеггера» (СПб.: Алетейя, 2008), «История философии второй половины XIX – начала XX века. Избранные главы» (М.: Инфра-М, 2013), и иных публикациях автора, в том числе в изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть представлены основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук.

Подводя итоги, следует отметить, что диссертационная работа Е.В. Фалева по актуальной теме является самостоятельным исследованием, проведенным автором на высоком теоретическом и методологическом уровне, обладающим новизной и обогащающим историко-философскую науку рядом важных и значимых результатов, представляет собой крупное научное достижение. Диссертационное исследование Е.В. Фалева полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к докторским диссертациям на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 – история философии, отвечает П.9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 «О порядке присуждения учёных степеней» от 24.09.2013 г., автор диссертации Е.В.Фалев заслуживает присвоения искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 – история философии.

Официальный оппонент,

доктор философских наук, заведующая

кафедрой современных проблем философии

философского факультета РГГУ, доцент

Светлана Александровна Коначева

Подпись доктора философских наук

С.А. Коначевой удостоверяю

Ученый секретарь

Л. В. Тропкина

23.04.2015

Почтовый адрес вуза: ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», 1259936 ГСП-3, г.Москва, Миусская пл., д.6.

Тел.: (495) 2506244

e-mail: rsuh@rsuh.ru